

*Автор выражает благодарность:
учителю и наставнику Генри Резнику —
за поддержку,
писателю Борису Акунину —
за ценные советы,
бывшему президенту Борису Ельцину —
за тему для романа,
сэру Фрэнсису Дрейку —
за название.*

Если ваш бизнес никто не захватывает, значит, он просто никому не нужен!

Поговорка рейдеров

Пролог

Уютные пятничные вечера в почете не только у мирных граждан. Именно в пятницу вечером чаще всего арестовывают и задерживают подозреваемых по громким делам. Именно в пятницу приглашают на допрос тех, кто особо рьяно отстаивает свои права. И именно в эти часы, полные расслабляющей надежды на отдых, приходят с обыском — врасплох — к строптивым свидетелям, чей статус тут же меняется, а свобода ограничивается. Немудрено, что именно пятница традиционно и заслуженно называется у нас Днем следственных работников. Только для них да для крупных руководителей последний рабочий день нет-нет да и переваливает за полночь.

Президент заканчивал просмотр накопившейся к концу рабочей недели почты. Впереди его, как и всех, кому не грозит внезапный арест, ждали два дня отдыха на природе с любимицей Кони — единственным существом,

Павел АСТАХОВ

которое безоговорочно и без раздумий выполняло каждую команду. Преданная Кони и впрямь была готова умереть за Хозяина.

Президент улыбнулся мыслям о собаке и оценил объем оставшейся работы. В раскрытой папке с надписью «Входящая корреспонденция» было всего несколько листков. Прочитав очередное обращение и сделав две короткие пометки на полях «обр. вним.» и «помочь!», он отложил лист и потянулся за следующим. На бланке Верховного суда оказалось обращение от имени Председателя Л. М. Краснова.

Президент углубился в текст и помрачнел. Главный судья писал о том, что судебная власть великой страны не может справиться с так называемым «рейдерством». Он поморщился. Слово было какое-то зубодробильное, неудобное, невыговариваемое, в общем, не русское. И непонятно было даже, как его правильно произносить: через «е» или через «э». А если через «е», то оба раза «е» или раз «е» и раз «э», или же через «э»... Тьфу, пропасть какая-то. ВеВе снова поморщился. Посмотрел на часы: 22.30 — и потянулся к кнопке вызова помощника.

Стакан

Хрустальный, со слезой, стакан, наполненный до краев, как всегда, в 22.30 стоял на столе. Двое: один, долговязый в белом халате и в очках, другой, коренастый крепыш в черном костюме и с наушником, — склонились над напитком. Взяв длинной пипеткой пробу, долговязый влил ее содержимое в пробирку и быстро добавил по капле из трех разных бутылочек: красной, зеленой, желтой. Несчастливая биомасса запыхтела в тесной пробирке и начала переливаться всеми цветами радуги. Выпустив струйку пузырьков, она вновь обрела первоначальный цвет. Мужчины переглянулись.

— Вроде в норме... — не очень уверенно протянул мужчина в белом.

Раздался звонок, и тот, что в черном костюме, занервничал:

— Что значит «вроде»? Давай точнее! Не то сам будешь пить! — Он угрожающе двинул стакан к эксперту.

Тот отшатнулся:

— Да все в порядке! Не сомневайтесь! Можно подавать.

Крепыш в черном костюме покачал головой и, пробубнив под нос: «Вроде, вроде», взял поднос со стаканом

и вышел из кабинета. Пройдя по коридору, он постучал в закрытую дверь и чуть приоткрыл ее:

— Разрешите?! — и, не дожидаясь ответа, вошел внутрь.

* * *

Со стакана упала капелька-росинка. Президент опустил стакан, так и не пригубив. Снова вернулся к письму Верховного: «...отдельные решения, принимаемые в региональных судах, направлены на обслуживание рейдерских захватов...» Он снова поморщился от «неудобного» слова и продолжил перечитывать: «...считаю необходимым просить Вас о прекращении полномочий следующих федеральных судей...» Далее шел список из восьми известных фамилий.

«Рейдеры, грейдеры, шмейдеры», — каламбурил про себя Президент. Он много раз указывал Краснову на недопустимость лишения судейских полномочий через прямое решение Главы государства. Безусловно, в стране, где именно Он назначает всех судей снизу доверху, только Ему принадлежит последнее слово. Но Президент не может позволить себя использовать. Даже если этого очень хочет Председатель Верховного суда.

Президент взял красный карандаш и наискосок аккуратно вывел наверху: «Поставьте вопрос перед Высш. квалиф. коллегией! Обойдитесь без Указа!» Положил карандаш, решительно взял стакан и медленно выцедил его содержимое. Обещавшие быть удачными выходные начались отвратительно: настроение испортила бумага Верховного, кефир был выпит без аппетита, а в голове засело дурацкое нерусское словечко.

РЕЙДЕР

Он легонько пристукнул кулаком по столу, поднялся и двинулся из кабинета. Оставалась последняя надежда восстановить предвыходное настроение — утопить горький осадок в водной стихии. Его ждали три лучших мощника: бассейн, сауна и душ.

Штурм

Около семи вечера пятницы в Коровяков переулок славного города Тригорска тихо заехали несколько пассажирских «Газелей» и огромный голубой автобус с тщательно задрапированными окнами. Переулок целиком занимали здания НИИ «Микроточмаш», однако вокруг не было ни души — большинство работников НИИ, по теплomu весеннему времени, уже часа два как покинули производство и разъехались по своим дачным участкам.

Сидящий в первой «Газели» грузный, краснолицый мужчина в безвкусном, но при этом явно дорогом костюме скользнул взглядом по переулку и поднес ко рту переговорное устройство.

— Напоминаю для особо тупых — никаких «тяжких телесных». Если приедут менты, в драку не встречать, разговаривать с ними буду я и судебные исполнители. А теперь... первый... второй... третий — пошел!

Двери «Газелей» сдвинулись, и оттуда, гроыхая тяжелыми ботинками, посыпались штурмовики — крепкие молодые парни в камуфляжной форме с нашивками частной охранной структуры «КЛЕЩ».

В кармане краснолицего тренькнуло, и он, бросив

взгляд на определившийся номер, вытащил мобильный телефон.

— Слушаю, Петр Петрович...

— Ну, что там, Колесов? Ты начал? — проворковал тихий, вкрадчивый голос.

— Начал.

— Все тихо?

— Да.

Телефон отключился, и Колесов сунул его в карман, выбрался из «Газели», еще раз оглядел переулок и неторопливо двинулся к проходной. Там уже слышались короткие вскрики и звон бьющегося стекла.

Время для рейда они выбрали очень удачно. Как раз вчера милиционеры из разрешительной системы забрали все оружие охранников НИИ на ежемесячную проверку, и это позволяло провести захват чисто, без ненужной стрельбы и риска. Да и пятница была выбрана тоже не случайно: уж встречный иск до понедельника подать не удастся никому — суды закрыты, судьи отдыхают.

Колесов зашел на проходную, окинул взором разгромленную стеклянную будку пропускного пункта и перешагнул через распростертого прямо на проходе немолодого охранника НИИ. Второго охранника, растерянно утирающего кровь с разбитого лица, штурмовики блокировали уже внутри будки.

— Позвонить, гнида, успел... — процедил старший звена — высоченный, около двух метров, детина. — Сейчас менты будут.

Колесов поджал губы, выразительно покачал головой и двинулся дальше. Он проводил инструктаж раз

РЕЙДЕР

шесть. Терпеливо объяснил, кому куда бежать и кого и как блокировать. Но «клещи» не были так уж профессиональны, потому и получают всего по двести долларов за эти полчаса работы плюс премия для тех, кто умудрится выполнить свою задачу без проколов.

Где-то впереди раздался женский визг, и Колесов ускорил шаг. Вошел в приемную, бросил взгляд на зажатую в углу дюжим «клещом» секретаршу и заглянул в приоткрытую дверь директорского кабинета. Пунцового от ярости директора НИИ «Микроточмаш» Александра Ивановича Батракова, крупного, сильного мужчину, едва удерживали в кресле двое штурмовиков, пока третий обшаривал стол в поисках ключа от сейфа.

— Вечер добрый, Александр Иванович, — кивнул Колесов.

Батраков словно получил пощечину.

— Т-ты?! — не веря своим глазам, выдохнул директор. — Что ты здесь делаешь?! Что происходит?!

Колесов недобро усмехнулся, хотел было зайти и объяснить Батракову, кто есть кто, как вдруг услышал негромкий, но очень характерный хлопок. От этого до боли знакомого звука выстрела он невольно пригнулся:

— Е-мое!

«Только бы не Пахом!» — мелькнуло в голове руководителя захвата.

Саша Пахомов, бывший «афганец», бывший чекист и здешний особист, изрядно пил, но — с его огромным боевым опытом — был крайне опасен. И если Пахомов задержался на работе, число проблем серьезно возрастало.

Этим щенкам, то есть «клещам», его точно было не взять.

Колесов метнулся в приемную, оттуда — в коридор, пробежал несколько метров и застыл на месте. В отходящем от коридора аппендиксе, как раз у настееж распахнутых дверей в спецчасть, столпились четверо растерянных, явно не знающих, что предпринять, «клещей». Еще один, усыпанный обломками табуретки и с разбитым лицом, лежал на пороге.

— Этого мне еще не хватало! — зашипел, как от ожога, Колесов.

Пахомов определенно был на рабочем месте.

— Эй, командир, — испуганно и криво улыбнулся ему один из штурмовиков. — Ты же говорил, у них стволов нет!

— В сторону! — яростно приказал Колесов и, прижимаясь к стене, быстро скользнул к распахнутой двери. — Пахом! Ты, что ли?!

Изнутри послышался густой нетрезвый мат и — снова — выстрел.

— Откуда у него ствол?! — продолжал нагнетать обстановку «клещ». — Ты же сказал, все стволы менты выгребли!

— У Пахома «стечкин» именной, — нехотя прояснил ситуацию Колесов, — с Афгана еще. Командарм Громов подарил.

Только что громившие направо и налево НИИ и все еще возбужденно дышавшие «клещи» уважительно притихли, а Колесов досадливо крякнул и тронул носком бо-

РЕЙДЕР

тинка лежащего на пороге боевика. Тот слабо пошевелился.

— Значит, так, — повернулся он к остальным, — блокировать снаружи и ждать. И чтоб никакого мне геройства. Иначе он нас, — Колесов тяжело вздохнул, — то есть вас... всех положит.

Колесов критически оглядел уже начавших приходить в себя штурмовиков, достал из кармана мобильник и стремительно двинулся прочь. У него еще хватало дел в захваченном НИИ.

Петя

Спирский сидел в своем московском офисе на Космодамиановской набережной и задумчиво разглядывал стоящий на краю стола фотографический портрет. С него на Петра Петровича смотрел круглощекий ясноглазый мальчуган, зажатый молодыми, счастливыми, улыбающимися лицами мамы и дяди Лени Краснова — ныне Председателя Верховного суда России.

Это была единственная фотография, сделанная случайно в парке Сокольники у уличного фотографа много лет назад и сохраненная матерью. Петя, перебирая архив, оставшийся после смерти мамы, нашел ее и отдал в фотоателье. Там ее подретушировали, раскрасили, увеличили и размножили. Одно фото Спирский отправил Краснову, который к тому моменту был еще и.о. Председателя Верховного суда, другую поставил на стол в офисе. Ну, и еще одну повесил в гостиной дома.

Каждый, кто приходил к нему в офис или домой, неизменно умилялся Петинной мордашкой, затем отмечал необычную красоту матери, а потом несказанно удивлялся, опознав в улыбающемся статном мужчине бессменного Главного Судью страны.

— Ну что, «дядя Леня»? Поможем сыночку? — Петя подмигнул улыбающемуся отцу и сам же себе ответил — густым «красновским» басом: — Конечно, поможем!

С фотографии он перевел взгляд на компьютерный монитор, удовлетворенно улыбнулся и замурлыкал незатейливый мотивчик. Рыцари его любимого детища игры «The Knights Story» завершали захват соседнего замка.

Тихонько и тактично, словно боясь отвлечь сына Председателя, пусть и внебрачного, от его важных дел, брякнул телефон, и Петр Петрович протянул руку. На дисплее значилось: «Колесов».

— Что там еще? — недовольный тем, что приходится отрываться от размышлений, манерноотреагировал Спирский.

Он был абсолютно уверен, что в Тригорске все должно пройти как по нотам.

— Есть проблема, — раздался из трубки голос Колесова, и тут же — странный, далекий хлопок.

Спирский насторожился. Этот неприятный звук был похож на выстрел.

— Говори.

— Особист на работе оказался. Пьяный, сволочь...

— Вы его обезвредили? — поинтересовался Спирский.

РЕЙДЕР

— Да. Почти. Блокировали прямо в спецчасти.

— Тогда в чем проблема?

В трубке снова хлопнуло.

— Некоторые документы... о которых вы говорили.

Они находятся именно там, внутри, — после затяжной паузы отозвался Колесов, — и пока Пахомов не сдастся, нам их не изъять. А он не сдастся, пока не протрезвеет...

Спирский раздраженно хлопнул по клавиатуре и, да же не дав предводителю водрузить победный флаг, вышел из игры.

— Это все?

— Нет. К нам едут менты. Им с проходной успели позвонить. Но это я решу.

Спирский недовольно крикнул и откинулся на спинку кресла. Обычно для подобной работы Петр Петрович нанимал ребят из Главного следственного управления, прозванного в предпринимательской среде ГэСэУ. За вполне умеренную плату они могли завести уголовное дело, провести обыски и совершенно разрушить всю систему защиты компании-жертвы. Причем нанять этих молодых, активных и жадных до денег парней можно было и для решения вопросов с иногородними «клиентами». Совсем недавно Петя провернул захват одной нижегородской телефонной компании, и московские гэсэушники — опера и следователи — решили о-очень многие вопросы, начиная от бесконечных вызовов на допросы всех руководителей и акционеров и заканчивая традиционным изъятием бухгалтерских документов.

Спирский поднялся из кресла и подошел к окну. Там, прямо под окнами офиса, несколько воробьев делили за-

плутавшего после недавно прошедшего ливня жирного дождевого червяка.

Сотрудничать с ГэСЭУ вообще было очень выгодно. Попав на отлаженный милицейский конвейер, его «клиенты», как правило, совершенно терялись, а главное, теряли представление о том, что происходит на самом деле. Вот как этот червяк, понятия не имеющий, кто его клюнет следующим. Между Петей и гэсэушниками сложились настолько прочные отношения заказчика и исполнителей, что никто из ГэСЭУ уже давно не задавал ему никаких вопросов. И только на этот раз, из-за каких-то внутренних проблем, московские милиционеры в Тригорск выезжать отказались.

Петр Петрович сложил руки на груди. Спирский не был бы Спирским, если бы не нашел выхода из положения. Тщательно пересмотрев ксерокопии приказов по НИИ, добытых через подкупленных недовольных бухгалтеров, он очень быстро отыскал изгнанного из «Микро-точмаша», теперь уже бывшего начальника охраны Колесова, и они прекрасно друг друга поняли.

— Сделаю, — угрюмо кивнул Колесов. — Систему охраны я знаю как свои пять пальцев. Главное, чтобы у вас все было «хоккей». Вы понимаете, о чем я?

Спирский тогда снисходительно улыбнулся:

— Если вы о правоохранительных органах, то можете не беспокоиться. Все предусмотрено.

Он действительно учел все, до мельчайших деталей. И только засевшего в спецчасти, словно в окопе, нетрезвого особиста предусмотреть оказалось невозможно. И кое-какие их планы тот уже нарушал.

РЕЙДЕР

* * *

Александр Иванович Батраков — очень уважаемый в городе и заслуженный человек — был в бешенстве. Его рабочий стол был завален вывернутыми из ящичков бумагами, а его самого ощупывали, словно девку.

— Нашел, — подал голос один из налетчиков и вытянул из директорского кармана тяжелую связку ключей.

— Вы за это ответите! — чуть не задохнулся от ярости Батраков и тут же наткнулся взглядом на Колесова.

Бывший начальник охраны НИИ, изгнанный не так давно директором, снова стоял в дверях кабинета.

— Тебя же в наручниках отсюда уведут, Колесов! — пообещал Батраков.

— Ключи от сейфа нашли? — не обращая на бывшего начальника ни малейшего внимания, поинтересовался бывший подчиненный у бойцов.

— Нашли какие-то, — протянули ему только что извлеченную из кармана директорских брюк связку.

Колесов кивнул, взял связку и подошел к высокому сейфу в углу кабинета. Подобрал ключ, открыл дверцу и достал пластиковую коробку.

— Ну вот, и печати у нас. Даже переделывать не придется.

Батраков обмер.

— У кого это «у вас»? — все еще не веря в реальность происходящего, выдохнул он.

— У нового руководства НИИ, избранного собранием акционеров, — спокойно пояснил Колесов и сунул связку ключей в карман. — Кстати, я — новый начальник службы безопасности этого предприятия.

Директор НИИ хлопнул глазами и, сбрасывая наваяждение, мотнул головой.

— Что за бред? У меня 63% акций! Какое может быть новое руководство? Какое собрание акционеров? Я ничего не проводил!

Но Колесов не собирался поддерживать беседу. Он отошел к окну и достал пискнувшую рацию.

— Что с бухгалтерией? Хорошо. А в цехах кто остался? Понял. Что-что?! Милиция? Патруль? Да-да, конечно, проведите. Но только вместе с судебным исполнителем. Прямо в директорский кабинет. Отбой!

Батраков сосредоточился, анализируя услышанное. То, что сюда идет милиция, было хорошо, но он совершенно не представлял, что может делать в его кабинете судебный исполнитель: ни долгов у НИИ не было, ни претензий к нему никто не предъявлял — уже много лет.

— Отпустите его, парни, — распорядился Колесов, и директора мгновенно освободили. — Теперь он безопасен и никому не нужен. — Колесов отвернулся от сверженного директора.

Батраков поднялся из кресла, потер затекшие кисти рук и с горечью произнес:

— Зря я тебя тогда пожалел, Колесов... надо было на тебя еще и уголовное дело завести!

Колесов резко повернулся и угрожающе двинулся к Батракову.

— А я тебе, старый козел, обещал, — с ненавистью прошипел он, — что тебе это с рук не сойдет! Вот я и вернулся! И никакие адвокаты тебе не помогут!

Директор стиснул зубы, в поисках, чем бы в него за-

РЕЙДЕР

пустить, оглядел заваленный бумагами стол и уткнулся взглядом в рассыпанные веером визитки.

«Артем ПАВЛОВ. Адвокат» — значилось на самой верхней.

— Нет... — пробормотал он, отказываясь поверить в столь явный знак судьбы, — этого не может быть...

Французский завтрак

— Ну что, мэтр, когда возвращаетесь в Россию? — спросил Вольдемар, сделав глоток красного вина из высокого фужера.

— Еще не решил, — улыбнулся откровенно наслаждающийся выходными в Париже Павлов. — Съезжу в Барбизон... погуляю в Фонтенбло... а уж потом...

Вольдемар понимающе кивнул, и Павлов погрузился в созерцание. Последние 11 лет, посещая Париж, он обязательно встречался с Вольдемаром, но до сего дня Артем затруднился бы точно определить статус своего парижского знакомого. Товарищ? Пожалуй, отчасти. Знакомый? Безусловно, чуть больше. Друг? Все ж не совсем... хотя в общечеловеческом плане — конечно же. Может быть, партнер? По отдельным вопросам бывало и так. В общем, отсутствие четкого понимания статуса их встреч и отношений не доставляло им каких-либо неудобств, а скорее, наоборот, гарантировало обоим полную свободу и непринужденность в общении.

Не сговариваясь, они встречались именно в этом кафе на рю де Риволи, сразу же налево от одной из лучших гостиниц французской столицы «Маурис», напротив са-

да Тюильри, где любой прохожий, внимательно глядящий себе под ноги, мог натолкнуться взглядом на выложенную мозаикой из цветных камней надпись «Angelina».

Это было людное, модное и шумное место, расположенное напротив зеленой решетки вечно цветущего сада. В утренние часы здесь завтракали спешащие на работу парижане и, что особенно приятно для двух холостяков, милые парижанки. А затем кафе наполнялось многоязыкой толпой туристов, бредущих из хрустальной пирамиды Лувра, что высилась в двух кварталах отсюда. Пожалуй, именно в этом небольшом, шумном, но всегда уютном кафе Артем особенно остро чувствовал знаменитый дух Парижа — неугомонный и задорный.

Они расположились в глубоких кожаных креслах в углу, сразу же за лестницей. Только этот столик был обращен к огромной стеклянной витрине так, что были видны вся проезжая часть, улица, сад Тюильри со скамейками и фонтаном, гуляющие парочки и все посетители кафе, которые оказывались в поле зрения сидящих за столом. И только этот столик всегда был снабжен табличкой «RESERVE» — дань уважения хозяина кафе почетному посетителю, которому он определенно был обязан чем-то важным.

Чаще всего завсегдатаи с интересом разглядывали шумных посетителей, в основном туристов, развлекаясь тем, что наперегонки угадывали язык и страну, из которой приехал тот или иной гость. Впрочем, Вольдемар, знавший в совершенстве пять языков и сносно изъяснявшийся еще на трех, никогда не уступал Павлову, и чаще

РЕЙДЕР

всего им приходилось останавливать игру, договариваясь о ничьей. Но сегодня они просто наслаждались покоем.

— Как я понимаю, дело Голицына закончено, — рассеянно глядя в витрину, нарушил молчание Вольдемар.

Павлов еле заметно кивнул:

— Да, мы выиграли суд. Иск вашего друга удовлетворен полностью. Остались формальности, а с ними легко справится мой партнер в Париже мэтр Элизабет.

Артем пригубил вино и прикрыл глаза. Выбор Вольдемара был, как всегда, удачен: Шато-Брие урожая 1982 года имело необычайно тонкий и насыщенный вкусовой букет.

— Нет, Голицын и его компаньоны мне не друзья, — отозвался Вольдемар. — Это просто знакомые и клиенты. Весьма перспективные клиенты — и для меня и для вас, месье Артем. Насколько я знаю, их бизнес в Европе расширяется, а значит, им еще понадобятся услуги толкового адвоката. Тем более что вы соотечественники... Кстати, как вам работается во Франции?

Павлов усмехнулся.

— Неплохо. Здесь мне существенно легче защищать клиента с помощью своего главного оружия — знания закона.

Вольдемар удивился:

— А что, разве в России адвокат работает как-то иначе?

По лицу Павлова пробежала тень — на долю секунды, не более.

— В сегодняшней России адвокат — слишком час-

то — просто посредник между сторонами. — Он поставил бокал на столик. — Иногда может быть интриганом и политиком... и даже брокером на судебно-криминальной бирже.

Француз недоуменно поднял брови, и Павлов понял, что придется объяснять:

— Некоторые мои коллеги сбрасывают во время судопроизводства акции своих клиентов, предпочитая заработать на предательстве... Впрочем, этих я за коллег не считаю.

Вольдемар недоверчиво хмыкнул.

— Странно, я считал, что в России сейчас растет спрос на услуги адвокатов и они процветают...

— Сегодня растет спрос на прокурорские и милицейские услуги, — отмахнулся Павлов, — процветают же посредники — их родственники, бывшие коллеги и друзья тех, кто заводит дела и сам же их прекращает.

Парижанин потрясенно глядел на Артема.

— А как же все эти громкие процессы, которые вы без конца ведете, будоража общественность разоблачениями бездарных «казачьих» дел?! Разве не вы освободили вашего клиента Гусинского от преследования?

— Ну да, освободил, — горько усмехнулся Павлов, — от преследования, медиа-активов и лишних денег...

— И все же адвокат решает что-то сегодня или нет? Неужели все так плохо?!

Павлов на секунду ушел в себя, а затем посмотрел Вольдемару прямо в глаза:

— Думаю, что может быть и еще хуже. После дела Ходорковского всех его адвокатов потребовали исклю-

РЕЙДЕР

чить из адвокатуры. Двенадцать человек! Я буду одним из тех, кто встанет на их защиту.

Вольдемар потрясенно молчал. Он многое повидал на своем веку, но даже не представлял, с каким вопиющим беззаконием приходится сталкиваться мэтру Павлову.

«Заклеванный»

Генеральный директор ООО «МАМБа» Петр Петрович Спирский так и застыл у окна, любуясь бесстыдной схваткой над еще живым и, надо полагать, все понимающим червяком. Понятно, что со стороны жертвы медленное склевывание выглядело вопиющим беззаконием, и устало извивающийся червяк наверняка уже получил инфаркт всех четырех своих сердец. Однако это трогало Спирского менее всего; его куда как сильнее интересовало развитие конфликта между воробьями. Длинного и толстого червяка наверняка хватило бы на всю стаю, но, вот беда, делиться воробьи не умели, да и не хотели.

Петр Петрович вздохнул. Ему-то приходилось делиться со многими. Как-то раз ему заказали «поглощение» сети закусочных, размещенных на автозаправках Московской области. Заправки имели известный английский бренд, а связей в милиции у Спирского еще не было. Пришлось подбирать целую команду из бывших, некогда изгнанных из органов оперативников.

Инсценировка была поставлена с размахом. Директора сети буквально завалили повестками, постановлениями и запросами от имени подразделения Главного следственного управления Центрального федерального

округа России. Целых полгода тренированные юристы «МАМБЫ» вели «следствие» по делу закусочных, отписывая все процессуальные документы без малейших поправок и тем более ошибок.

Дошло до того, что Спирский снял целый этаж в старом особняке в центре Москвы. По дверям развесили грозные вывески: «Начальник ГСУ ЦФО РФ», «Начальник следственной части ГСУ ЦФО РФ», «Старший следователь по особо важным делам ГСУ ЦФО РФ» и т.п. устрашающие названия. Сюда трясущегося от ужаса директора сети и вызвали... Около 10 часов абсолютно профессионально «допрашивали», после чего отобрали подписку о невыезде и обязательство являться в этот несуществующий отдел несуществующего управления по первому же требованию.

Рейд завершился вполне удачной сделкой по продаже всех этих отобранных заправочных кафетериев владельцу сети ресторанов-закусочных, чей логотип, словно флаг победы, мгновенно сменил прежний и встречается теперь чаще, чем бензин марки АИ-98.

Телефон деловито завибрировал, и Петр Петрович, не переставая следить за воробьями, принял вызов. Это был Колесов.

— Милиция прибыла, — коротко отчитался новый начальник охраны НИИ.

— Хорошо, — кивнул Спирский, взял фломастер и поставил в списке напротив строки «п.14. Милиция» жирную галочку. — Продолжай.

РЕЙДЕР

Кресло

— Что случилось?! — послышалось с порога кабинета, и в дверь вошел сержант в сопровождении трех автоматчиков, облаченных в бронежилеты. — Здравствуйте, Александр Иванович. Что здесь у вас происходит?

— Грабеж! Бандитский наезд! — вскочил со своего кресла директор и почти побежал навстречу милиционерам. — Ворвались, понимаешь! Выгребли сейф...

Колесов усмехнулся, выглянул за дверь, и в кабинет тихонечко вошел полный молодой человек в очках, строго сером костюме и с папкой в руке. Поправил очки и так же тихо поздоровался:

— Добрый день!

— Скорее вечер, — бесцеремонно ответил ему сержант. — А вы кто будете? Тоже из банды?

— Я из службы судебных приставов. Серов моя фамилия.

Мягко ступая по паркету, молодой человек подошел к столу и, раскрыв папку, начал выкладывать на стол бумаги.

— Что это вы здесь раскладываете? — насторожился Батраков.

— Это судебное решение о наложении ареста на девяносто процентов акций акционерного общества «Микроточмаш», — спокойно пояснил судисполнитель.

Директор потрясенно хлопнул глазами, а молодой человек так и продолжал раскладывать бумаги.

— Это протокол собрания акционеров о переизбрании совета директоров...

Сержант подошел к столу и пролистал документы.

— Ну... вроде все правильно, — без особой охоты признал он. — Вы сами-то это видели, Александр Иванович?

Директор схватил бумаги и начал судорожно их листать.

— Это же бред сивой кобылы! Нам предъявили иск на семьдесят два миллиона рублей. Да я и фирмы этой не знаю! Явное же мошенничество!

— Вот только решение суда в любом случае настоящее, — протянул ему листок сержант.

Оторопевший Батраков принял документ.

— Решением Усть-Пинского районного суда... — прочитал он по слогам и поднял взгляд: — Где это находится?

— На досуге в атласе найдете, — вступил в разговор Колесов и повернулся к сержанту: — А мне время дорого. Сержант, вы убедились, что мы действуем по закону?

Милиционер нехотя кивнул.

— Тогда желаю успешного прохождения службы, — Колесов дружелюбно взял «под козырек». — Остальное — прерогатива судебных исполнителей.

Директор проводил развернувшегося милиционера изумленным взглядом, медленно осел в кресло, потянувшись к телефону с гербом, но Колесов тут же прижал трубку рукой.

— А вас, Александр Иванович, я попрошу покинуть помещение. Вы уволены.

Батраков поднял глаза и медленно покачал головой:

— Не ты меня в это кресло сажал...

РЕЙДЕР

Колесов на секунду задумался и недобро усмехнулся:

— Да никто и не претендует на ваше кресло. Вы, главное, рабочее место освободите.

Директор стиснул зубы, а его вцепившиеся в подлокотники крупные пальцы побелели от напряжения. Колесов окинул его внимательным взглядом и кивнул штурмовикам:

— Помогите Александру Ивановичу расстаться с прошлым... Можно и на руках — вместе с его любимым креслом.

Защитник

Вольдемар напряженно думал. То, что рассказал ему Артем, изрядно меняло его представление о положении дел в России. Но проигрывать в споре он все же не собирался.

— И все же русский адвокат решает что-то или нет? Или он бесправен?

Павлов пригубил вина.

— Я, как оптимист, полагаю, что может стать еще хуже. Похоже, репрессии адвокатов Ходорковского — только начало атаки на закон.

— Не обобщайте, — замотал головой Вольдемар, — адвокаты Ходорковского защищали врага государства.

— Даже враг государства имеет право на защиту, — Павлов усмехнулся, — особенно если его назначили на такую «должность». А если разрушить право на защиту, тогда карательная функция государства обернется волком, попавшим в овчарню. И мы это уже проходили.

Вольдемар недовольно поморщился:

— Если вы о процессах 30-х годов, то это — спекуляция... у Сталина вряд ли был иной способ централизовать власть.

Павлов покачал головой:

— Я говорю не только о 30-х. Первые политические процессы над адвокатами прошли в конце XIX века. Романовы испугались независимости адвокатуры от них лично... — Артем прищурился, — а в результате потеряли всю страну.

Вольдемар тяжело задумался, и Павлов добавил:

— Да и у вас во Франции случилось то же самое. Вспомните процессы над Людовиком XVI и Марией Антуанеттой. Вспомните, как притесняли тогда адвокатов, а по сути закон. И чем это кончилось? Революцией, голодом и террором — настоящим торжеством беззакония.

— Марат и Робеспьер сами были адвокатами... — насупился Вольдемар.

— Верно, — легко согласился Павлов, — и Ульянов-Ленин — тоже. Правда, все они были неудачниками!

— Да, неудачи — это не ваш стиль, мэтр Павлов, — натянуто улыбнулся Вольдемар, — но ведь надо понять и власть. Ваши отцы нации решают задачи по наведению порядка. Делают это в условиях исторического цейтнота, в сложных внешнеполитических условиях. Полагаю, и вопрос целостности России стоит весьма актуально!

Павлов, соглашаясь, кивнул, и воодушевленный Вольдемар выложил главный аргумент:

— Хотите вы этого или нет, а в таких условиях излишнее следование букве закона снижает эффектив-

РЕЙДЕР

ность действий! Кстати, гонимые сейчас олигархи прикидываются овечками и молят о политическом убежище, хотя они в свое время вовсе не церемонились с законом! Укрепление государства — вот первоочередная задача для ваших властей.

Он победно оглядел оппонента, и Павлов, принимая вызов, кивнул.

— Уверен, что соблюдение законов и гарантии собственности укрепят Россию ничуть не хуже... А когда государство лихим захватом прибирает к рукам целую нефтяную империю, то какой пример она подает гражданам?

Наступила затяжная пауза. В кафе гурьбой зашли несколько туристов, и Вольдемар, пользуясь возможностью уйти от этого неприятного разговора, дружески улыбнулся:

— Да... в России работать интереснее, чем во Франции. Столько событий каждый день. Отличное поле деятельности для полного сил, прекрасно образованного мужчины...

— Да уж... не соскучишься, — усмехнулся в ответ Артем и снова посмотрел в зал на туристов.

Его собеседник проследил за взглядом Павлова.

— Что вас так заинтересовало, мэтр? По-моему, обычные туристы из Швеции.

— Из Норвегии, — поправил его Артем. — Я изучал этот язык, когда готовился к работе в этой стране.

Вольдемар прищурился; он все еще находился под впечатлением напряженного спора.

— Повезло скандинавам, что вы так и не приехали к ним, — пошутил он. — Кстати, мэтр, а вы не жалеете,